

Вот, например, свидетельство знаменитого писателя Поля Бурже, который заявляет, что, по его мнению, «монархия является единственной формой правления, соответствующей новейшим данным науки». «Очень знаменательно», — говорит он, — «что идеи, которые вызвали в свое время революцию, оказываются теперь противоречащими тем же принципам, которые современная наука, на основании данных опыта признала законами политического здоровья. Таковы, например, закон непрерывности эволюционных явлений жизни, который, если его приложить к социальным организмам, окажется прямо противоположным идее народного суверенитета, основанной на численном превосходстве. Если источник верховной власти — в сегодняшнем большинстве, то страна не имеет возможности развивать последовательную и длительную деятельность».

«Другой закон развития жизни», — продолжает Бурже, — «это — закон отбора, то-есть установленной наследственности, которому в области социальной ничто так не противоречит, как равенство... Это совпадение монархической доктрины с истинами, ныне признанными наукой, является одним из утешительных фактов переживаемой нами печальной эпохи. Значение этого факта не меньше, чем было в свое время значение созвучия республиканского образа правления с философией Руссо... Программа монархистов является поэтому, по мнению Поля Бурже, «самой широкой, самой разумной и самой обоснованной из всех тех программ, которая ныне предлагается добрым французам».

Вот главные пункты этой программы:

- 1) Наследственность верховной власти — ее сила и постоянство, соответствующая (параллельная) сила и постоянству нации;
- 2) Уничтожение парламентаризма, несовместимого со свободой и ответственностью монарха;
- 3) Децентрализация: территориальная, административная, профессиональная, религиозная.

«Монархия», — говорится в программ, — «будучи явлением постоянным, дает постоянно все то, что ее окружает, так как всей своей силой она обеспечивает действительность своих мнений и желаний. Поэтому она без риска может быть смелой и, несмотря на образ, даже дерзновенной. Республиканская власть, напротив, — власть слабая, по самой своей природе. Это — власть кратковременная и изменчивая, в силу своей коллективности. Предель, ею устанавливаемые, рамки, ею создаваемые — непрочны и постоянно колеблются. Ей свойственно подаваться воздействию стихийных безответственных сил. Она всегда заходит дальше, чем того желала. Приходится опасаться ее малей-

ших починов, ибо все с ее стороны опасно, все подозрительно». Республика не может возвыситься над задачами дня до понижения задач государственной жизни в ее чрево, на что способна только монархия.

Из вышеуказанных трех пунктов программы наиболее интересен третий, о децентрализации. «Только король», — говорится там, — «может одновременно поддерживать единство страны и давать волю национальным различиям. Он достаточно могуществен, чтобы защитить единство и спасти эти различия от их собственных злоупотреблений. Республиканское правительство, напротив, не может децентрализоваться, т. к. оно существует и управляет только при помощи централизации».

Это особенно злобно для России, где, наличие большого количества различных национальностей с пробудившимися «самостоятельными» тенденциями, создало бы с падением большевистской диктатуры угрозу распада. Тут спасти единство государства может только монархия.

«Централизация», — читаем мы дальше в программ, — «является главной причиной упадка республиканского режима. Централизация — это означать (как бы мы то ни называли) возлагать на центральную власть всю ответственность. Но для того, чтобы справиться с этими ответственностями, власть должна поглотить все свободы и требовать для себя все авторитеты».

По словам Моррасса, только монархия настоящим образом обеспечивает свободу и права граждан. «Гарантии, даваемая гражданину республиканским государством» («Декларация прав человека и гражданина»), — говорит он, — «абсолютно теоретическая; на практик он совершенно исчезает. Монархическая же система, уважая высшие права государства (которых республиканская теория не хочет признавать), дает гражданину гарантии практические, фактические, которые, хотя и не являются в теории ненарушаемыми, однако, на практик нарушаются с трудом. Свобода в республик является правом, но только правом, тогда как в национальной монархии она есть факт определенный, осязаемый». Моррасс дает при этом свою схему, согласно которой государственный порядок состоит из двух элементов: авторитета и свободы, при чем в нормальном государстве наверху, в центр, должен господствовать авторитет, а внизу — свобода, согласно формул: «L'autorité, en haut! Les libertés, en bas!» (тогда как в современной демократической республик это — наоборот).

Юрий Арсеньев.

Техника правительственного контроля

Среди всех функций правительственной власти одной из главнейших и наиболее деликатных, особенно при монархическом образе правления, является контроль за правильным образом действий местных органов самоуправления.

Техника этого контроля, направленного главным образом на то, чтобы постановления органов самоуправления не противоречили смыслу и духу общих законов, — всегда страдала коренным дефектом, так как самый принцип такого контроля, безусловно необходимого во интересах единства внутренней политики и единообразия применения законов, до сих пор недостаточно выяснен и разработан.

Это требование относится не только к практи-

к монархической России до революции, но и к современным конституционным и республиканским государствам. Среди многих примеров приведу один, наиболее рельефный: отсутствие согласованности, в этом отношении, в действиях отдельных штатов Св. Америки, нельзя объяснить иначе, чем недостатком взаимности — предоставить им максимальную свободу, т. к. эта несогласованность поощряет обход закона и допускает злоупотребления нередко в чрезвычайно существенных и жизненных областях, — что вряд ли желательно и допустимо.

Не есть ли это скорее доказательство того, что техника правительственного контроля далеко не совершенна и, что из двух зол выбрано то, кото-

рое показалось наименьшим. Но вѣдь никогда никакой компромисс не можетъ быть названъ рѣшеніемъ вопроса и дать хорошіе результаты.

Правда, вопросъ этотъ чрезвычайно труденъ, но отказываться отъ его рѣшенія нельзя. Дѣйствительно, если въ интересахъ этой согласованности, поставить контроль выше органовъ самоуправленія, т. е. утверждать ихъ постановленія правительственной властью, — это значитъ свести на нѣтъ самый принципъ самоуправления, что и наблюдалось въ дореволюционной Россіи, гдѣ въ интересахъ единства дѣйствія и духа общихъ законовъ, приносились въ жертву мѣстные интересы. Съ другой стороны, — дать преимущественно такимъ постановленіямъ, — значитъ, фактически уничтожить всякій контроль, что немедленно вызоветъ крайнюю пестроту мѣстныхъ узаконеній и неизбежно введетъ въ народную жизнь массу ненужныхъ и вредныхъ осложненій, чреватыхъ неожиданными послѣдствіями.

Эта, въ высокой степени, важная дилемма государственнаго управления (т. е. вопросъ централизаціи или децентрализаціи) можетъ быть практически разрѣшена лишь однимъ способомъ: введеніемъ представителей правительственнаго контроля въ самые органы самоуправления на равныхъ правахъ съ выборными ихъ членами и на основѣ чисто судопроизводственнаго свободнаго состязательнаго начала.

„На путяхъ активизма“

Въ № 68 «Россіи и Славянства» С. С. Ольденбургъ помѣстилъ статью: «Младороссы на пути активизма». «Русскіе національные активистскіе круги могутъ видѣть въ нихъ союзниковъ» — говоритъ онъ. Повидимому, до сихъ поръ эти «активистскіе круги» имѣли основаніе думать обратное, т. е., что, если мы и не враги ихъ, то, по крайней мѣрѣ, не союзники. Но это, по мнѣнію С. С. Ольденбурга, дѣло прошлое и онъ полагаетъ, что теперь и младороссы начнутъ «активно» бороться съ большевиками.

Объ «активизмѣ» говорилось и писалось много. Самый этотъ гордый и подзадаривающій терминъ былъ впервые пушенъ въ оборотъ за рубежомъ и во времена бѣлой борьбы вообще не существовалъ, вѣроятно, изъ-за очевидной его безсмысленности, или, что еще вѣрнѣе, изъ-за полного идиотизма въ тѣ времена противоположнаго понятія, т. е. «пассивизма». Что въ самомъ дѣлѣ на Югѣ Россіи могъ дѣлать убѣжденный «пассивистъ»? Развѣ, что активно уклониться отъ отбыванія воинской повинности.

Теперь въ условіяхъ вынужденнаго «физическаго бездѣйствія» терминъ «активизмъ» расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ. Активисты презираютъ пассивистовъ, носить ихъ, упрекаютъ въ измѣнѣ и пр. Стараются завербовать себѣ сторонниковъ и увеличить ряды свои при помощи изданія газетъ, устройства собраній, лекцій, распространенія своей литературы, записи новыхъ членовъ въ разнообразныя «активистскіе» организаціи и союзы. Словомъ, — подготавливаютъ кадры. Объ успѣшности этой работы судить не берусь, не имѣя въ рукахъ статистическихъ данныхъ. Совершенно такъ же не берусь судить объ успѣшности буквально той же самой работы «пассивистовъ», заключающейся такъ же въ устройствѣ собраній, изданій газетъ, организаціи чтеній, лекцій и привлеченіи въ свои ряды какъ можно большаго числа новыхъ членовъ, т. е. тоже въ «подготовкѣ кадровъ». Полагаю, что если бы даже оказалось возможнымъ установить такую сравнительную таблицу, — то вывода изъ нея нельзя было бы сдѣлать рѣшительно никакого, вслѣдствіе полной идентичности занятія и тѣхъ и другихъ. Между

Прежде всего это упроститъ и главное ускоритъ всѣ формальности. Кромѣ того, это не компромиссъ, а окончательное рѣшеніе вопроса по существу, конечно, постольку, поскольку правительственные функціи отпавляются живыми людьми, а не точными машинами.

Жизнь находится въ вѣчномъ движеніи и желательно, чтобы движеніе это было впередъ, а не назадъ. Все предусмотрѣть въ законѣ по одному уже этому соображенію невозможно, и рѣшеніе возникающихъ вопросовъ мѣстнаго значенія должно обдумываться на мѣстѣ въ духѣ и смыслѣ общихъ законовъ. Законъ не можетъ не имѣть надлежащей мотивировки и эта мотивировка всегда является во время преній достоящимъ орудіемъ въ рукахъ контролера, чтобы поддерживать и охранять законъ или внести въ него непредусмотрѣнное, но необходимое по мѣстнымъ условіямъ дополненіе. Но, если противъ общаго закона будутъ выставлены коренные и принципиальные аргументы, то этотъ законъ можетъ быть измѣненъ лишь въ общемъ законодательномъ порядкѣ, и въ этомъ случаѣ мотивированное постановленіе до его вступленія въ законную силу должно быть направлено съ заключеніемъ контролера по принадлежности, т. е. въ законодательное учрежденіе.

В. Монигетти.

тѣмъ «активисты» приписываютъ себѣ въ нѣкоторомъ родѣ монополію «активной» борьбы съ большевиками и, какъ я сказалъ, презираютъ пассивистовъ за то, что тѣ этимъ не заняты.

Въ чемъ выражается эти «активная» работа «активистовъ» совершенно никому, а тѣмъ паче имъ самимъ, неизвѣстно. Въ видѣ политической программы ими выдвинутъ лозунгъ «непредрѣшечства», т. е. пока что полное отсутствіе всякаго лозунга. Повидимому, въ какомъ-то болѣе или менѣе далекомъ будущемъ «непредрѣшечство» будетъ все же замѣнено какой-то опредѣленной политической цѣлью и «непредрѣшечны» все же что-то «предрѣшатъ». Пока же что они очень пассивно ждутъ подходящаго момента и тщательно скрываютъ свои политическіе взгляды. Въ смыслѣ организаціи «немедленнаго похода», какъ будто тоже ничего не замѣтно: ни обмундированія, ни оружія, ни даже денегъ на дорогу до Русской границы «непредрѣшечскіе активисты» не выдаютъ. Если бы попробовали, то, надо полагать, въ эти ихъ мѣрнопріятія немедленно вмѣшалась бы мѣстная полиція и все кончилось бы тотчасъ же. Что же касается конспиративной работы и нелегальнаго перехода границъ для террористическихъ дѣйствій въ Россію, то и тутъ шансы и активистовъ, и пассивистовъ совершенно тѣ же самыя: кто можетъ, кто въ силахъ, кто обладаетъ надлежащими данными, тотъ туда и пробирается. И разумеется, именно эти-то люди больше всего остерегаются говорить о своемъ «активизмѣ», и записываются въ «активистскіе» организаціи, такъ какъ тогда, естественно, ихъ поѣздка въ Россію окончилась бы на самой ея границѣ. Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать только для трагико-комическаго вожака Шульгина, не нашего, а, впрочемъ, подражателя.

Такъ что не слѣдуетъ строить себѣ иллюзіи въ области «непосредственнаго дѣйства». И у активистовъ, и у пассивистовъ заслуги совершенно однѣ и тѣ же. Радость С. С. Ольденбурга на счетъ того, что теперь активистскаго полку прибыло, это радость ребенка, играющаго въ владѣтія и «присоединившаго къ своимъ владѣніямъ» еще нѣсколько царствъ». Для насъ же это и не комплиментъ, и